

Ло Цинъян сегодня выпил немало вина. Хотя в обычные дни его нельзя было назвать моржом, с подобными пиршествами он справлялся кое-как. Но сегодня он и за Цзян Вань принял на себя множество гостей, и из-за того развязного жеста Хо Ци весь его ум был рассеян. Его бездумно уговорили выпить много лишних чаш, и когда он наконец вспомнил, что нужно отказываться, было уже поздно — он тоже опьянел. Белый дудник обладает сильным послекусием, и сейчас хмель нахлынул на него разом. Тело ослабло, голова закружилась. Он полулежал, отдыхая, и в полубезытии лишь слышал, как у самого уха кто-то спрашивает:

— Если ванцзы не против, сегодня позвольте Хо провести вас обратно в усадьбу.

Хо Ци, боясь, что тот не расслышит, говорил крайне близко, и всё горячее дыхание из его рта обдавало юношеское ухо. Ухо защеботало, и Ло Цинъян не удержался, чтобы не почесать его, пробормотав:

— Н-нет, не против, не против... М-м-м... голова кружится.

Тут же он почувствовал, как его тело подхватила сильная рука. Из последних сил приоткрыв щелочку глаза, он обнаружил, что этот человек гораздо выше его. Сейчас он оперся на его грудь и не мог разглядеть лицо, лишь слышал мощное, сильное биение сердца. Машинально он спросил:

— Кто ты? Те Цяньчэн прислал тебя за мной?

Услышав это, Хо Ци на мгновение замер, и лишь спустя некоторое время ответил:

— Малый ванцзы опьянел. Хо отвезёт вас в усадьбу.

Ло Цинъян, прищурившись, на мгновение задумался и наконец, спустя долгое время, смутно кивнул.

Цзян Вань была в таком пьяном виде, что Хо Ци, естественно, не мог отправить её обратно в дом Цзян. Устроив её в собственной карете, он приказал кучеру отвезти её в свою усадьбу, а слуге — отправиться в дом Цзян с известием, что барышня Вань сегодня останется ночевать в доме Хо.

Уладив дело с Цзян Вань, он снова поднялся в карету Ло Цинъяна, намереваясь лично отвезти юношу обратно в княжеский дворец. Карета Ло Цинъяна была просторной, украшенной с большой роскошью. Внутри находился мягкий лежак, на котором можно было сидеть или лежать, застеленный толстым парчовым одеялом — словно боялись, что хозяина хоть немного заденут или ушибут.

Хо Ци внёс Ло Цинъяна в карету. Ло Цинъян сам, хорошо зная дорогу, послушно улёгся на мягком ложе, лёг на живот и отдыхал. Опьяневший юноша был очень тих, не шумел и не капризничал, лишь слегка хмурил свои красивые брови, показывая, что сейчас ему не слишком комфортно.

Кучер тронул карету, кузов начал слегка покачиваться. Ло Цинъян, очевидно, не вынес такого внезапного движения. Он резко перевернулся и сел, провёл рукой по своему лбу, затем на ощупь дотянулся до небольшого столика рядом. На нём стоял чайный сервиз. Видимо, он хотел налить себе воды. Прежде чем он успел пошевелиться, у его губ ощутилась прохладная влага. Ло Цинъян в полудрёме открыл глаза и увидел, что Хо Ци держит в руках нефритовую чашку и подносит воду к его губам. Нечётко пробормотав спасибо, он принял чашку и выпил сам. Выпив воды, он протрезвел наполовину:

— Благодарю генерала за то, что проводил меня в усадьбу.

— Не за что, — ответил Хо Ци. — Если бы сегодня вы не приняли на себя столько тостов за Вань, ванцзы не опьянели бы. Проводить ванцзы в усадьбу — это то, что Хо должен был сделать.

— Фу-у-х... — Ло Цинъян покачал головой. По отношению к Цзян Вань он испытывал некоторую беспомощность. — Я действительно ничего не могу поделать с сестрицей Цзян Вань. Она всегда любит прилипнуть ко мне. Не думал, что сегодня, отправившись на пир, пришёл не только я, её ненастоящий старший брат, но и настоящий старший брат. Вспоминаю выражение лица Вань, когда она вошла и увидела генерала — очень забавно.

— Разве ванцзы не знают о чувствах Вань? — Ло Цинъян был человеком проницательного ума. Слова и поступки Цзян Вань уже были настолько откровенны, что Хо Ци не верил, будто он не понимает помыслов девушки.

Ло Цинъян не ожидал, что тот будет столь прямолинеен. Но Хо Ци, в конце концов, был старшим братом Цзян Вань, и такой вопрос, казалось, был вполне уместен. Он взвесил слова:

— Помыслы Вань... как я могу не знать? Просто я всегда относился к ней как к младшей сестре. Вань ещё молода, и её чувства ко мне, полагаю, тоже весьма смутны. Возможно, она просто воспринимает меня как брата, на которого можно положиться. Так же, как... как я отношусь к наследному принцу.

Ло Цинъян и сам не знал, зачем произнёс эти последние слова. Просто инстинктивно захотел объясниться.

Хо Ци от этих последних слов на мгновение опешил, поднял взгляд на Ло Цинъян и неожиданно обнаружил, что юноша тоже смотрит на него. Его взгляд был очень серьёзен:

— Генерал вернулся в столицу уже несколько дней назад и, наверное, наслушался разговоров о делах Цинъяна. В столице много зрителей, любящих посмотреть на зрелища. Дело доходит до слухов на пустом месте и сплетен, превращающих трёх в тигра. Цинъян знает, что я бесшабашный, но в вопросах чувств никогда не позволял себе халатности. Как наследный принц, так и сестрица Вань — для меня существа, подобные родным.

Так что других возможностей нет.

Выслушав речь Ло Цинъяна, мрачное настроение Хо Ци, тяготившее его с момента окончания пира, сразу прояснилось. В душе он смутно почувствовал, что его реакция была неуместной:

— Почему ванцзы стали объяснять Хо эти вещи? Хо всего лишь посторонний человек.

— Посторонний? — тихо пробормотал Ло Цинъян.

Хо Ци и Ло Цинъян, на первый взгляд, действительно не были связаны. Но Хо Ци не знал, что в сердце Ло Цинъяна Хо Ци был существом, подобным герою. Возможно, именно из-за этого обожания он и не хотел, чтобы тот его неправильно понял.

Хо Ци был тронут молчаливой реакцией Ло Цинъяна и уже собирался что-то сказать, как вдруг карета резко подбросило. Ло Цинъян сразу же скривился от неприятных ощущений, прикрыл рукой рот — явно стало плохо.

* * *

Снаружи послышалось фырканье лошади, и тут же начался спор. За пределами кареты кто-то гневно кричал:

— Откуда взялся этот собачий холоп, управляющий каретой! Глаза на лошадиный зад нацепил, что ли? Дорогу не видит? Разве не видишь, что карета моего господина как раз подъезжает?

Кучер из княжеского дома в обычные дни тоже пользовался уважением, отражая свет княжеского дома. Сейчас же, услышав такие оскорбления, в его душе вспыхнул гнев, но, не зная статуса собеседника, он сдержался и смягчил голос:

— Ты, человек, совсем не рассуждаешь. Это твоя карета резко завернула, заставив меня резко остановиться. Дорога такая широкая, это ты занял мою полосу, а теперь меня же и винишь?

Тот человек на противоположной стороне, очевидно, привык к безнаказанности, нагло заявил:

— А что ты сделаешь, если я не рассуждаю? По этой дороге едет мой господин, значит, твоему здесь ехать нельзя. Если поехал — уже твоя вина, а чуть не столкнулись — тем более твоя вина. Не уберёшься побыстрее?

Эти слова окончательно разозлили кучера. Он в гневе воскликнул:

— Эта дорога — дорога Юнцзина! Я не видел, чтобы на ней было написано чьё-то имя! А если бы и было написано, то разве не имя императорской семьи?

— Ты... — собеседник долго тянул ты, но не смог вымолвить возражения. Кучер привёл имя императора, и тот не посмел ничего возразить.

— О чём это вы шумите? Дадите ли вы мне, вашему господину, отдохнуть? — В момент замешательства раздался ещё один голос, который показался Хо Ци смутно знакомым.

Кучер с той стороны немедленно начал жаловаться первым:

— Господин, вы должны рассудить за своего старого слугу. Этот человек напротив не только врезался в карету нашей усадьбы, но и ведёт себя крайне нагло, и, что самое отвратительное, потревожил ваш покой. Господин должен проучить его!

— Какая это усадьба? Дай-ка мне, вашему господину, взглянуть. Даже кучер такой заносчивый и нерассуждающий?

Ли Цзянь изначально отдыхал с закрытыми глазами в карете. Рана на его ноге ещё болела. Не ожидал, что с приходом чёрной полосы даже поездка в карете будет неудачной. Он откинул занавеску и увидел, что карета напротив тоже довольно роскошна. В душе он прикинул, что, вероятно, это тоже влиятельный дом, и в речи стал сдержаннее. Сначала он отругал своего кучера:

— Бесплезная вещь! Даже управлять каретой не можешь! Зачем ты мне нужен? — Затем повернулся и спросил:

— Осмелюсь спросить, из какой усадьбы напротив? Ваш кучер груб, я хочу попросить хозяина в карете рассудить за меня.

Кучер уже собирался ответить, но Хо Ци уже приоткрыл занавеску. Глядя на молодого

господина в роскошных одеждах напротив, он почувствовал, что не только голос, но и лицо кажется знакомым. Он на мгновение не мог вспомнить:

— Прошу прощения у господина. Эта карета — из усадьбы Хо.

Ли Цзянь с первого взгляда узнал Хо Ци. Хотя Хо Ци не оставил у него впечатления, Ли Цзянь, присутствовавший на пиру в честь возвращения Хо Ци в столицу, запомнил Хо Ци очень хорошо.

— О-о-о, так это генерал Хо! Моя вина, моя вина! Этот низший — Ли Цзянь, из семьи заместителя министра Министерства наказаний. Три месяца назад на пиру я имел честь один раз встретиться с генералом. Только что много нагрубил, вина моего кучера, который глаз не имеет. Генерал, будьте великодушны, великодушны!

Сказав это, он ещё раз гневно взглянул на своего кучера и строго приказал:

— Что стоишь? Быстро помоги мне спуститься! Я лично принесу генералу извинения!

Слуги засуетились, немедленно спрыгнули с кареты, чтобы поддержать Ли Цзяня. От прежнего наглого задора не осталось и следа. Хо Ци, видя, что у того, кажется, проблемы с ногами, не стал чинить препятствий и остановил его.

* * *

[Короткая сцена:

Цзян Вань: Чёрт возьми, а я говорила, что я божественная помощница! (▽▽)□

Хо Ци: Если у меня есть такая двоюродная сестра, чего же ещё желать?]

<http://bllate.org/book/15614/1394021>